

Прыказкі могуць станавіцца камічнымі ў працэсе зносін з чалавекам. Напрыклад, прыказка “*Казаў бог, каб і ты памог*” [2, с. 344] утварылася дзякуючы выразу “Памагай бог!”. Прыказка “*Ласка – не каляска, сеўшы не паедзеш*” [3, с. 9] гаворыцца як рэакцыя на слова “калі ласка” ў выказванні суразмоўніка.

Шмат прыказак, у якіх абыгрываюцца іх кампаненты, грунтуюцца на мнагазначнасці слоў, пры дапамозе якіх яны і былі ўтвораны: “*На гэта лета добра і гэта*” [2, с. 69] (немагчыма адначасова займацца двума справамі); “*Вялікага сабакі вялікі брэх*” [3, с. 340] (кажуць у адказ на чые-небудзь пагрозы, лаянку); “*Рукі набрудзіш – вадою адмыеш, душу забрудзіш – і мыла не паможэ*” [4, с. 339] (ад ганебных учынкаў, амаральных паводзін не ачысцішся).

Некаторыя словы ў прыказках абыгрываюцца за кошт свайго гучання: “*Без мяне мяне жанілі*” [3, с. 36] (без ведама ці згоды каго-небудзь рашылі за яго ці зрабілі што-небудзь ад яго імя). Тут каламбур ствараецца праз гучанне слова *мяне*, бо першае *мяне* – гэта форма роднага склону, другое – вінавальнага.

Такім чынам, каламбур у прыказках і прымаўках сустракаецца даволі часта. Ён дапамагае ім быць неаднабаковымі, сумяшчаць у сабе пэўны прыхаваны сэнс, які кожны можа трактаваць, зыходзячы з сваіх меркаванняў і ўяўленняў пра свет. Гэты прыём робіць мову больш займальнай і цікавай.

Літаратура

- 1 Станкевіч, А. А. Рыторыка : вучэб. дапам. / А. А. Станкевіч. – Мінск : РІВШ, 2010. – 315 с.
- 2 Янкоўскі, Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. М. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
- 3 Прыказкі і прымаўкі: у 2-х кн. Кн. 2. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : “Навука і тэхніка”, 1976. – 616 с.
- 4 Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 511 с.

М. В. Михалевич

Науч. рук. **В. И. Коваль,**
д-р филол. наук, проф.

КОНЦЕПТ «ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ» (по данным интернет-источников)

Слово *счастье* обозначает определённое морально-этическое состояние, обладающее широким смысловым объёмом. Среди «специализированных» пониманий счастья особое место занимает концепт «женское счастье».

Под термином *концепт* мы вслед за Д. С. Лихачевым понимаем «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода».

Обращение к различным интернет-источникам (в том числе – и к Национальному корпусу русского языка) позволяет выявить особенности вербализации названного концепта. Прежде всего, обнаруживаем большое количество контекстов, в которых словосочетание *женское счастье* выступает в роли объекта, на который направлены действия, выраженные, например, глаголами *познать* и *искать*: *Ирина возвращалась домой и думала о том, что её мать, к сожалению, не познала женского счастья* (В. Токарева Виктория. Своя правда); *Она ищет женское счастье, а находит то швабру, то гирю, то чемодан* (Е. Губайдуллина. Крокодилы и женское счастье).

Последний пример интересен в том отношении, что понятию «женское счастье» фактически противопоставлены слова *швабра*, *гурия* и *чемодан*, употребляющиеся в индивидуально-авторском переносном значении и обозначающие негативно осмысливаемые ситуации.

Существуют некоторые закономерности в употреблении определений к словосочетанию *женской счастье*.

Прежде всего, выделим контексты, в которых встречаются эпитеты, имеющие позитивную коннотацию: *Таково было ее представление о великом женском счастье* (Б. Васильев. Были и небыли); *Анна Георгиевна вылетала из комнаты, чтобы не расплакаться от какого-то невесомого, божественного, абсолютно женского счастья* (А. Мишарин. Белый, белый день).

В ряде случаев в качестве эпитетов к рассматриваемому словосочетанию выступают «нейтральные» имена прилагательные: *А так ли уж значимо было это «простое женское счастье» в системе ценностей советской интеллигентки?* (Р. Черепанова. Интеллигентное женское счастье); *Но ты не такая? Тебе не нужно обыкновенное женское счастье?* (Е. Завершнева. Высотка). Нередко отмечаются случаи использования для характеристики понятия «женское счастье» негативно-оценочной лексики: *Она встретит своё короткое женское счастье в браке с приват-доцентом; Мама переносила на него свою ненависть к его отцу, виновнику её несостоявшегося женского счастья* (А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся).

Б. Р. Мухадов

Науч. рук. **И. В. Серикова**,
ст. преподаватель

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКЗОТИЧЕСКИХ СЛОВ В ТУРКМЕНСКИХ СКАЗКАХ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В «Туркменских сказках об Ярты-гулоке» [1] в русском переводе зафиксировано 108 экзотических слов [2].

1 Все слова являются существительными, которые можно разделить на имена собственные (18 единиц) и нарицательные (92 лексемы).

2 Имена собственные чаще всего обозначают названия городов и стран (*Коканд*), имена людей (*Бахты-Гюль*), название священных книг (*Коран*), имена сказочных персонажей и действующих лиц в анекдотах (*Алдар-Кесе*), географические (*Кара-Кумы*) и водные (*колодец «Ай-су»*) названия. Наиболее многочисленны группы «Названия стран и городов» и «Мужские и женские имена». Многие слова являются устаревшими (*Коканд, Хива, Хорасан, Хорезм*). Среди имён чаще всего повторяется имя Ярты-Гулок (около 70 раз), так как он является главным героем сказочного цикла.

3 Наричательные экзотические слова (92 единицы, среди которых 36 слов со значением лица и 56 слов со значением предмета) преобладают над собственными наименованиями и объединяются в различные лексико-семантические группы. Среди всех ЛСГ наиболее многочисленны по составу ЛСГ «Названия по профессии, занятию» (джигит, пехлеван, порхан, караван-баши, карнайчи, чабан, кази, чайханщик, колтоман, бахши); ЛСГ «Названия блюд»; ЛСГ «Названия животных» (ишак, верблюду, джейран, барс, баран, шакал, ахалтекинский скакун); ЛСГ «Названия сановников» (шах, хан, бек, султан; визирь, падишах, бай, ага-бай).

4 В зависимости от территориальной принадлежности некоторые существительные могут иметь несколько значений и быть как собственными, так и нарицательными.